

ПУШКИНСКИЙ ТЕКСТ И ЕГО ФУНКЦИИ В РОМАНЕ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ»

В. А. ДОМАНСКИЙ

**Санкт-Петербургский Институт Бизнеса и Инноваций
г. Санкт-Петербург, Россия**

valerii_domanski@mail.ru

В статье рассматривается значение А.С. Пушкина в творческой судьбе И.А. Гончарова. Подробно исследуются роль пушкинского текста в романе Гончарова «Обыкновенная история». Автор вычленяет основные функции пушкинского текста в романе писателя. Он сопровождает все этапы жизненного пути Александра Адуева, является литературным контекстом развития сюжета, выполняет функции прецедентных текстов, разворачивает возможный вариант судьбы пушкинского Ленского в социокультурных условиях 1840-х годов. Статья рекомендована учителям русского языка и литературы, филологам, студентам филологических факультетов.

***Ключевые слова:** преподавание литературы, русская классика, историко-литературный процесс, литературный контекст, И.А. Гончаров, пушкинский текст, функции текста*

В старших классах школы изучаются не только отдельные литературные произведения и творчество классиков монографически, но и формируются представления учащимся об историко-литературном процессе, прослеживается смена литературных направлений и школ, влияние одних писателей на творческий метод и художественный стиль других. Особое место при изучении русской классики уделяется А.С. Пушкину, 225-летний юбилей которого отмечается в этом году. Аполлон Григорьев справедливо назвал Пушкина «наше всё», потому что тот явился родоначальником русского литературного языка, и его творчество наметило основные перспективные линии развития русской и национальных литератур XIX века. В его

творчестве были уже намечены центральные литературные хромотопы, темы и мотивы. Наиболее последовательно это явление можно обнаружить, обратившись к творчеству И.А. Гончарова, создателя образа Обломова, ставшего вечным типом в мировой литературе.

Всю свою сознательную жизнь Гончаров испытывал особое благоговение перед гением Пушкина, что очень точно подметил П.Д. Боборыкин: «... в нем жил пушкинист чистой воды, испытавший в ранней молодости обаяние нашего великого поэта, доходившее в людях его поколения до настоящего культа» [2: С. 444].

Еще более ярко об очаровании личностью Пушкина и его влиянии на формирование своих эстетических взглядов писал сам Гончаров. Он оставил воспоминания о встрече с Пушкиным в Московском университете 27 сентября 1832 г.: «Когда он вошел с Уваровым, для меня точно солнце озарило всю аудиторию: я в то время был в чаду обаяния от его поэзии; я питался ею, как молоком матери; стих его приводил меня в дрожь восторга. На меня, как благотворный дождь, падали строфы его созданий («Евгения Онегина», «Полтавы» и др.). Его гению я и все тогдашние юноши, увлекавшиеся поэзией, обязаны непосредственным влиянием на наше эстетическое образование» [3: Т. 2. С. 251–252].

Впоследствии русский писатель утверждал, что Пушкин был не только его кумиром и литературным авторитетом, но и сыграл особую, главную роль в развитии отечественной словесности: «В Пушкине кроются все семена и зачатки, из которых развились потом все роды и виды искусства во всех наших художниках» [5: Т. 8. С. 77].

Гончаров считал, что Пушкин обозначил классический, магистральный путь, по которому шла и будет дальше идти вся русская литература, о чем он рассуждал в письме к великому князю Константину Константиновичу Романову от 28 июня 1887 года, к 50-летию со дня гибели великого поэта: «Позвольте напомнить, что почти все писатели новой школы: Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Майков, Фет, Полонский, между прочим, и я – все мы, шли и идем по проложенному Пушкиным пути, следуем за ним и не сворачиваем в сторону, ибо это есть единственный торный, законченный классический путь искусства и художественного творчества» [4: С. 201].

Создатель «Обломова» был, безусловно, прав. Еще при жизни поэта «пушкинский текст», который можно отнести к «персональным текстам», или «именным текстам», представленный в виде цитат, аллюзий, сюжетных ситуаций и микросюжетов, стал органично присутствовать в текстах русских писателей. Со временем в русскую литературу вошли пушкинский метатекст, пушкинская эстетика («прекрасное должно быть величаво»), пушкинская аксиология, пушкинский универсализм («все волновало нежный ум»), пушкинская феноменология («мой Пушкин»). Как точно отметил Ю.В. Шатин: «“Пушкинский текст”, понимаемый как художественная система, оказался не только весьма значимым в контексте русской культуры последних двух столетий, но и одним из самых гибких объектов, допускающих различные коммуникативные стратегии для его интерпретации и трансляции» [8: С. 238].

Эти мысли Ю.В. Шатина легко можно проследить на материале романа И.А. Гончарова «Обыкновенная история», произведения, которое с удовольствием читают современные старшеклассники и студенты, так как в нем прослеживается жизненный путь и испытания молодого провинциала, который отправляется в столицу, чтобы занять свое достойное место под солнцем.

Уже само название романа Гончарова «Обыкновенная история» содержит «онегинскую» аллюзию, восходящую к авторской характеристике Ленского. Автор, оплакивая своего погибшего героя, рассуждает о двух возможных вариантах его судьбы – прославленного поэта, «задумчивого мечтателя» или человека «обыкновенного удела»:

А может быть и то: поэта
Обыкновенный ждал удел.
Прошли бы юношества лета:
В нем пыл души бы охладел.
Во многом он бы изменился,
Расстался б с музами, женился,
В деревне, счастлив и рогат,
Носил бы стеганный халат;
Узнал бы жизнь на самом деле,

Подагру б в сорок лет имел,
Пил, ел, скучал, толстел, хирел,
И наконец в своей постеле
Скончался б посреди детей,
Плаксивых баб и врачей [7: С. 529].

Одним из первых отсылку названия романа Гончарова к «Евгению Онегину» уловил В.Г. Белинский, считая создателя «Обыкновенной истории» непримиримым борцом с романтизмом, приобретшим в 1840-е гг. эпигонские черты. Впервые отчетливо об этом он сказал в письме к В.П. Боткину от 15–17 марта 1847 г., видя одну из главных удач произведения Гончарова в том, что оно нанесет «страшный удар романтизму, мечтательности, сентиментальности, провинциализму» [1: Т. 9. С. 634].

Эту мысль русский критик развил в своем обзоре «Взгляд на русскую литературу 1847 года». Сближая главного гончаровского героя с пушкинским Владимиром Ленским, Белинский представил его в ироническом свете, полагая, что романтизм себя изжил, и «люди такого закала», как Александр Адуев, «теперь уже не существуют» [1: Т. 8. С. 397].

Вместе с тем он вступил в спор с автором романа, считая неестественным его финал, в котором главные герои претерпевают неожиданные метаморфозы: романтик Александр Адуев превращается в «положительного и рассудительного» человека, а его дядя, Петр Иванович, внезапно оставляет служебную карьеру ради семейного счастья. Назвав финал романа «испорченным», русский критик оспаривал скрытый смысл названия гончаровского романа, полагая, что такие люди, как младший Адуев «никогда не делаются положительными людьми» [1: Там же].

Долгое время суждения Белинского принимались как аксиома, особенно в литературоведении советского периода. Так, А.П. Рыбасов в 1957 г. с позиций социологической критики настойчиво утверждал, что в своем творчестве «Гончаров подверг убийственной критике реакционно-романтические предрассудки и традиции в литературе» [9].

В последние десятилетия российское литературоведение от такого категорического мнения постепенно отказалось. Л.М. Лотман

справедливо отмечала, что романтизм никогда не уходил навсегда из русской литературы. «Через “искус” романтизма прошел сам Белинский, не миновали этой стадии и другие писатели его круга» [6: С. 168]. Гончаров же не только пережил в юности свой «роман» с романтизмом, но и постоянно к нему возвращался, используя его художественные средства в способах изображения мира и типизации персонажей.

В «Обыкновенной истории» Гончаров средствами реалистической поэтики изобразил все фазы превращения героя-романтика, восходящего к пушкинскому Ленскому, в прагматика, «делового человека». Этапы эволюции обусловлены, прежде всего, социокультурным контекстом и углублением психологизма героя. Любопытно однако, что все эти фазы сопровождаются ссылками на Пушкина и выражаются в цитатах и аллюзиях на его произведения. Они, по сути, становятся культурологическим контекстом романских психологических ситуаций и разных коллизий в «Обыкновенной истории».

Так, юношеская любовь Александра Адуева к деревенской соседке Софье удивительным образом напоминает поведение Ленского во время свиданий с Ольгой, что наглядно демонстрирует сцена расставания героев, в которой имеется весь набор «вещественных» и «невещественных» знаков любви – прощальный поцелуй, клятва в вечной любви, волосы и колечко девушки [5: С. 190]. Вначале герой Гончарова представлен «задумчивым мечтателем», который грезит о поэтической славе и «благородном труде» во имя человечества.

Символично посещение Адуевым Сенатской площади с памятником Петру I. Герой Гончарова «с восторженной думой» около часа рассматривал скульптуру императора на вздыбленном коне, ощущая прилив новых сил и мечтая о «благородном труде, о высоких стремлениях». Создается впечатление, что энергия строителя Петербурга передается Александру Адуеву, и он теперь «преважно выступает по Невскому проспекту, считая себя гражданином нового мира» [5: С. 206].

Кульминация любви Адуева к Наденьке разворачивается в пространственных топосах пушкинского текста «Евгения Онегина». Гончаров дает удивительное описание белых петербургских ночей,

полных очарования, неги и тайны: «Наступила ночь... нет, какая ночь! Разве летом в Петербурге бывают ночи? Это не ночь, а... тут бы надо было выдумать другое название – так, полусвет... Все тихо кругом. Нева точно спала; изредка, будто впросонках. Она плеснет легонько волной в берег и замолчит. А там откуда ни возьмется поздний ветерок, пронесется над сонными водами, но не сможет разбудить их, а только зарябит поверхность и повеет прохладой на Наденьку и Александра или принесет им звук дальней песни – и снова все смолкнет, и опять Нева неподвижна...» [5: С. 260]. Читаешь это описание ночной Невы и невольно вспоминаешь «онегинские» строки:

Перекликались часовые,
 Да дрожек отдаленный стук
 С Мильонной раздавался вдруг;
 Лишь лодка, веслами махая,
 Плыла по дремлющей реке:
 И нас пленяли вдалеке
 Рожок и песня удалая... [7: С. 25].

Но у Гончарова любовь имеет свои фазы развития: зарождение, развитие, угасание, заканчивающееся разрывом. Он порождает поэзию разочарований, которую передает романтический Петербург белых ночей. Его изобразил Пушкин в «Евгении Онегине», описывая прогулки Автора с разочарованным, «угрюмым» Онегиным. Ностальгические воспоминания Александра Адуева, пережившего неудачу в любви, оказываются созвучными состоянию души Онегина и самого Автора, героя романа:

Как часто летнею порою,
 Когда прозрачно и светло
 Ночное небо над Невою
 И вод веселое стекло
 Не отражает лик Дианы,
 Воспомня прежних лет романы,
 Воспомня прежнюю любовь,
 Чувствительны, беспечны вновь,
 Дыханьем ночи благосклонной
 Безмолвно упивались мы!

Как в лес зеленый из тюрьмы
Перенесен колодник сонный,
Так уносились мы мечтой
К началу жизни молодой [7: С. 24].

Описывая душевное состояние Адуева младшего, Гончаров неоднократно цитирует отдельные строки из пушкинского романа. Герой даже объясняет Лизавете Александровне причину своей угрюмости и равнодушия к жизни строчками из «Онегина»: «Кто жил и мыслил,/ Тот не может в душе не презирать людей» [5: Т. I. С. 414]. Именно эти строки в пушкинском тексте предшествуют приведенной выше «ностальгической» онегинской строфе:

Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей;
Кто чувствовал, того тревожит
Призрак невозвратимых дней:
Тому уж нет очарований,
Того змея воспоминаний,
Того раскаянье грызёт [7: Т. 5. С. 24].

Но разочарование Адуева носит иной характер, по сравнению с «хандрой» Онегина. Если Онегин томится душою от пресыщенности жизнью, то Адуев страдает от душевной опустошенности, причиной которой является утраченная любовь, которой он отдавал все свои душевные силы.

Новая любовь Александра Адуева продемонстрировала существенные перемены в душе героя. Его бегство от Тафаевой – это бегство от самого себя, своего книжного, до приторности, романтизма, которым, как и он, была наделена Юлия. Но, самое главное, в этой новой любви Адуева не было жизни, борьбы, сильных страстей. Когда влюбленные перестали «упиваться блаженством» и восхищаться друг другом, все стало повторяться по кругу: «Желать и испытывать было нечего» [5: Т. I. 372]. Во время встреч с Тафаевой Александр Адуев начинает скучать и зевать, затем постепенно от нее отдалается и избегает встреч, несмотря на ее просьбы, слезы и уговоры. Его сердце, по признанию самого героя, становится холодным, как лед.

Новый виток петербургской истории любви Александра Адуева открывается в его взаимоотношениях с Лизой. Такое имя героини подобрано писателем неслучайно. Александру уготовлена роль Эраста из повести Карамзина), но вмешательство отца Лизы обращивается для него позором. Так, в течение нескольких петербургских лет жизни в душе героя происходят разительные перемены. Из недавнего романтика он превращается в расчетливого соблазнителя неопытной юной девушки.

Кульминация романа «Обыкновенная история» – изображение духовной драмы Александра Адуева, разочаровавшегося в романтической любви и дружбе, службе и творчестве. Символично сжигание героем своих рукописей. В огне горят не только стихотворные опыты Адуева, но и его романтические мечты о высоком служении Идеалу. Идеализм утрачен и отвергнут, но время для трезвого, реалистичного отношения к жизни героя еще не наступило. Поэтому неизбежен отъезд Адуева из Петербурга, который его не принял и стал, как считает сам герой, «великолепной гробницей глубоких, сильных, нежных и теплых движений души» [5: Т. I. С. 425].

Трогательна сцена прощания Александра с Петербургом. Поражение своего племянника Пётр Иванович видит в том, что он напрасно потерял годы – «ни карьеры, ни фортуны!» [5: Т. I. С. 424]. Но герой думает иначе, считая причину краха своих жизненных планов в отрыве от природы, родной почвы в бездушном Петербурге: «Я здесь восемь лет стоял лицом к лицу с современной жизнью, но спиною к природе, и она отвернулась от меня: я утратил жизненные силы и состарился в двадцать девять лет; а было время...

Прощай, прощай, город» [5: Т. I. С. 425].

Уезжая в свое имение и прощаясь с Петербургом, герой Гончарова опять вспомнит роман Пушкина. Ему кажется, что он испытывает те же чувства, что и разочарованный и опустошенный пушкинский Евгений Онегин. Петербург теперь ему видится «городом учливой спеси, искусственных чувств, безжизненной суматохи» [5: Т. I. С. 425]. Его вновь влечет оставленная восемь лет назад его родина, родная деревня: «К вам простираю объятая, широкие поля, к вам, благодатные веси и пажити моей родины: примите меня в свое лоно,

да оживу и воскресну душой!» [5: Т. I. С. 425]. Кажется, теперь исчезли для Александра «заблужденья прежних дней», порожденные Петербургом, городом-признаком. Устремляясь к своим истокам, родным пенатам он читает стихотворение Пушкина «Возрождение», в котором имеются строки, созвучные его душевному состоянию:

Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок беззаконный
Над ней бессмысленно чертит.

Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуёй;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.

Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникают в ней виденья
Первоначальных, чистых дней [7: Т. I. С. 334].

На последних страницах «Обыкновенной истории», изображающих перерождение главного героя в реалиста, прагматика, романтический Петербург полностью исчезает. Остается лишь деловой, бюрократический топос, который и погубил романтика, превратил его жизнь, полную возвышенных порывов и высоких устремлений, в «обыкновенную историю».

Финал романа Гончарова может быть рассмотрен в контексте пушкинских размышлений о молодости, зрелости и жизненном пути обыкновенного человека, хотя писатель, в отличие от Пушкина, не защищает своего героя:

Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто вовремя созрел,
Кто постепенно жизни холод
С летами вытерпеть умел;
Кто странным снам не предавался,
Кто черни светской не чуждался,

Кто в двадцать лет был франт иль хват,
А в тридцать выгодно женат;
Кто в пятьдесят освободился
От частных и других долгов,
Кто славы, денег и чинов
Спокойно в очередь добился,
О ком твердили целый век:
N. N. прекрасный человек [7: Т. 5. С. 145–146].

Таким образом, «Обыкновенная история» – яркий пример трансформации коллизий «Евгения Онегина» в сюжете романа Гончарова. Можно вычленить основные функции пушкинского текста в романе писателя. Он сопровождает все этапы жизненного пути Александра Адуева, является литературным контекстом развития сюжета, выполняет функции прецедентных текстов, наконец, разворачивает возможный вариант судьбы Ленского в изменившихся социокультурных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белинский В.Г.* Собр. соч. в 9 т. Т. 9. М., 1982. С. 634.
2. *Боборыкин П.Д.* Воспоминания: в 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит, 1965.
3. *Гончаров И.А.* Из университетских воспоминаний // Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд., доп. СПб.: Академический проект, 1998. — Т. 1—2. Т. 2. 1998. С. 251–252.
4. *Гончаров И.А.* Письмо Романову К. К., 28 июня 1887 г. Усть-Нарва, Гунгербург // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1994. С. 200–202.
5. *Гончаров И.А.* Собр. соч.: в 8 т. Т. VIII, М., 1955. С. 77.
6. *Лотман Л.М.* И.А. Гончаров // История русской литературы. В 4 т. Т. 3. Расцвет реализма. Л.: Наука, 1982. С. 168.
7. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10-ти тт. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: «Наука» Ленинградское отд. 1977–1979.
8. *Шатин Ю.В.* «Пушкинский текст» как объект культурной коммуникации//Сибирская пушкинистика сегодня. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН. С. 231 – 238.
9. URL: <http://goncharov.lit-info.ru/goncharov/pisma/romanovu/pismo-romanovu-18.htm>(дата обращения 10.02.2024).

REFERENCES

1. *Belinskij V.G.* Sobr. soch. v 9 vol. Vol. 9. Moscow, 1982.
2. *Boborykin P.D.* Vospominaniya: v 2 vol. Vol. 2, Moscow: Hudozh. lit, 1965.
3. *Goncharov I.A.* Iz universitetskikh vospominanij // Pushkin v vospominaniyah sovremennikov. 3-e izd., dop. SPb.: Akademicheskij proekt, 1998. Vol. 1–2. Vol. 2, 1998.
4. *Goncharov I.A.* Pis'mo Romanovu K. K., 28 iyunya 1887 g. Ust'-Narva, Gungenburg // Rossijskij Arhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVIII–XX vv.: Al'manah. Moscow: Studiya TRITE: Ros. Arhiv, 1994, pp. 200–202.
5. *Goncharov I.A.* Sobr. soch.: v 20 vol. SPb., 1997–2024. .
6. *Lotman L.M.* I.A. Goncharov.//Istoriya russkoj literatury. V 4 vol. Vol.3. Rascvet realizma. Leningrad: Nauka, 1982. .
7. *Pushkin A.S.* Poln. sobr. soch.: V 10 vol. / AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkinskij Dom). Leningrad: «Nauka» Leningradskoe otd. 1977–1979.
8. *Shatin Yu.V.* «Pushkinskij tekst» kak ob'ekt kul'turnoj kommunikacii//Sibirskaya pushkinistika segodnya. Novosibirsk: GPNTB SO RAN, pp. 231 – 238.
9. URL: <http://goncharov.lit-info.ru/goncharov/pisma/romanovu/pismo-romanovu-18.htm> (data obrashcheniya: 10.02.2024)

**ՊՈՒՇԿԻՆԻ ՏԵԶՍԸ ԵՎ ՆՐԱ ԳՈՐԾԱՌՈՒՅԹՆԵՐԸ
Ի. Ա. ԳՈՆՉԱՐՈՎԻ «ՍՈՎՈՐԱԿԱՆ ՊԼՏՄՈՒԹՅՈՒՆ» ՎԵՊՈՒՄ**

Վ. Ա. ԴՈՄԱՆՍԿԻ

**ՍԱՆԿՏ-ՊԵՏԵՐԲՈՒՐԳԻ ԲԻՉՆԵՍԻ և ՆՈՐԱՐԱՐՈՒԹՅԱՆ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ
Սանկտ-Պետերբուրգ, Ռուսաստան**

Հոդվածում քննարկվում է Ա.Ս. Պուշկինը Ի.Ա. Գոնչարովի ստեղծագործական ճակատագրում: Մանրամասնորեն ուսումնասիրված է Պուշկինի տեքստի դերը «Սովորական պատմություն» վեպում: Հեղինակը նույնացնում է Պուշկինի տեքստի հիմնական գործառնությունը Գոնչարովի վեպում: Այն ուղեկցում է Ալեքսանդր Ադունի կյանքի ուղու բոլոր փուլերը, հանդիսանում է պլոժեի զարգացման գրական համատեքստը, կատարում է նախադեպային տեքստերի գործառնությունը և բացում է Պուշկինի Լենսկու

ճակատագրի հնարավոր տարբերակը 1840-ականների սոցիալ-մշակութային պայմաններում: Հոդվածը խորհուրդ է տրվում ուսաց լեզվի և գրականության ուսուցիչներին, բանասերներին, բանասիրական ֆակուլտետների ուսանողներին:

Բանալի բառեր՝ գրականության դասավանդում, ռուս դասականներ, պատմական և գրական գործընթաց, գրական համատեքստ, Բ.Ա. Գոնչարով, Պուշկինի տեքստ, տեքստային գործառնություններ:

**PUSHKIN'S TEXT AND ITS FUNCTIONS IN THE NOVEL BY
I. A. GONCHAROV «ORDINARY HISTORY»**

V. A. DOMANSKY

**SAINT PETERSBURG INSTITUTE OF BUSINESS AND INNOVATION
Saint Petersburg, Russia**

In the article discusses the significance of A.S. Pushkin in the creative fate of I.A. Goncharova. The role of Pushkin's text in Goncharov's novel «Ordinary History» is examined in detail. The author identifies the main functions of Pushkin's text in the writer's novel. It accompanies all stages of the life path of Alexander Aduiev, is a literary context for the development of the plot, performs the functions of precedent texts, and unfolds a possible version of the fate of Pushkin's Lensky in the sociocultural conditions of the 1840 s. The article is recommended for teachers of Russian language and literature, philologists, and students of philological faculties.

Key words: *teaching literature, Russian classics, historical and literary process, literary context, I.A. Goncharov, Pushkin text, text functions.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 20 января 2024 г., подписана к печати в № 2 (119) 2024 30.10.2024.